ВРЕМЯ
НОВЫХ
ДЕТЕКТИВОВ

ЛОРА КЕЙЛИ

В петле времени

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!
МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru
vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *А. Дурасова*

Кейли, Лора.
К33 В петле времени / Лора Кейли. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-174760-2

Детектив Бенджамин Морис приезжает на очередной вызов: убита молодая женщина в собственном доме. В саду он находит заколку с прядью волос, а когда возвращается в особняк, обнаруживает, что дом пуст — нет ни трупа, ни коллег. Решив, что все ушли, он забирает находку с собой и утром привозит ее в участок.

Но там детектива поднимают на смех, не понимая, о каком убийстве идет речь. Морис уже решает, что сходит с ума, но неожиданно приходит та самая женщина, которую он вчера видел мертвой, и жалуется на угрозы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кейли Л., 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-174760-2

1 ГЛАВА

К дому Саманты Стюарт инспектор Морис прибыл через десять минут. Всю последнюю неделю он проклинал бумажную волокиту, считая, что детектив должен заниматься настоящим делом, а не перекладыванием страниц из папки в папку, из кабинета в кабинет. Не то чтобы он был рад этому вызову, но и не то чтобы не был. И не видел в том никакого кощунства.

Дом Саманты Стюарт, двухэтажный, каменный, с коричнево-красной крышей и арочными окнами, поддерживался высокими колоннами и ежегодной побелкой. Свет огромной люстры играл меж гранёными каплями, отражаясь множеством лучей на мраморном полу. Комнатные пальмы стояли у высокой лестницы, ведомой бронзовыми перилами на второй этаж. По этой же лестнице поднимался офицер со служебной овчаркой, предлагая ей взять исчезнувший след.

Инспектор Морис прошёл на кухню. Саманта Стюарт сидела за столом, в компании двух следователей, одного криминалиста и хрустальной вазы с апельсинами, что стояла в центре стола. По округлым бёдрам хозяйки дома струился шёлковый халат. Грудь была слегка оголена, а длинные светлые волосы небрежно спадали на лицо.

«Красивая женщина», — подумал инспектор. Всё в ней было красиво, всё, кроме зияющего багрового пятна под грудью.

— Огнестрел, — сказал один из следователей, — гильзу не нашли, пуля разорвалась внутри.

— Огнестрел, — повторил Бенджамин Морис и обошёл сотрудников, не мешая им работать с телом.

Работа же инспектора заключалась в другом — восстановить цепочку последних событий.

— Предположительное время смерти? — спросил он.

— Около полудня, — ответил следователь.

«Около пяти часов назад», — прикинул инспектор.

Он поднялся на второй этаж. Дверь в спальню была открыта. Морис вошёл. Кровать аккуратно заправлена, стулья на местах, один у стены, другой возле зеркала, никаких следов взлома или борьбы. На туалетном столике стояли разного вида шкатулки: из лакированного дерева, из холодного зелёного камня и просто обшитые кожей. Весь столик был в них.

Морис открыл одну, вторую, третью, их было шесть, и все они были набиты украшениями: жемчугами, золотыми кулонами, красивыми кольцами. В одной из шкатулок была свёрнутая пачка денег, они отпружинили крышку, когда Морис только дотронулся до неё. Инспектор взял одно из колец и присмотрелся к оборотной стороне — тысяча восемьсот какой-то год, цифры были стёрты. Так и есть, подумал детектив, все украшения походили на семейные реликвии и стоили немыслимых денег, и все они были нетронуты. Если бы

преступник искал что-то конкретное, одно кольцо из множества, но нет, следов поиска тоже не было. Морис хорошо чуял былую суетность. Когда кто-то спешил или заметал следы, это всегда ощущалось в воздухе, будто само пространство было спутано.

Впервые инспектор почуял подобное лет десять назад, в спальне своего дома, когда вернулся раньше времени. Эта скомканная нервозность витала в воздухе, пряталась во взгляде жены, в ворохе наспех заправленной постели. Тогда он никого не нашёл, он и не пытался искать, но и не отрицал очевидного. Так и сейчас очевидно было, что убийца — не вор.

Часто Морису приходилось реанимировать прошлое, расставлять предметы по местам, поступки по мотивам, прослушивать телефонные разговоры, проходить по следам будущей жертвы, до последней её минуты. Он должен был думать как преступник, хотеть того же, понять, почему он того хотел. Инспектор спустился вниз.

— Мы осмотрели сад, — услышал он знакомый голос сержанта, это был Ронни из его отдела, — в саду всё чисто. Скорее всего, убийца вошёл через центральный вход, а жертва сама впустила его.

— Так в саду совсем ничего? — переспросил детектив.

— Проверь сам, Морис.

Ронни не любил таких, как детектив. Слишком педантичен, слишком въедлив и не к месту упрям. Бенджамин всегда был не к месту. Для Ронни всё казалось очевидным, для Мориса же ничего очевидного быть не могло.

Двери во внутренний двор были распахнуты настежь, через кухню виднелся просторный сад с небольшим водоёмом, милым фонтанчиком, ротанговой мебелью и садовыми гномами, засевшими в кустах. Бенджамин Морис пошёл на свет играющего в малиновых клёнах солнца, оно то подсвечивало огневидные листья, то оттеняло их. В саду пахло лилиями и розмарином. Морис и сам был не прочь жить в таком доме, но жил лишь в серой квартире, под такими же серыми соседями, которым, как и ему, никогда не светили ни такой дом, ни фонтан со скульптурами, ни солнце в канадских клёнах.

Инспектор медленно обходил сад. Подошвы его чёрных ботинок осторожно приминали идеальный газон, ступали по мозаичным дорожкам из камня, проходили вдоль полукруглых кустарников и осиротевших белых фигур. Зелёное, белое, зелёное, белое, стеклянное... стеклянное. Морис не сразу заметил стекло, лежавшее в траве, присмотревшись, детектив поднял его. Оказалось, что это заколка (имитация хрусталя с металлической застёжкой) с прядью светлых волос на ней. «Прядь Саманты Стюарт, — подумал Морис, — внушительная прядь. Такую можно только выдрать силой». Морис попытался восстановить происшедшее. «Сначала он схватил её за волосы, — рассуждал детектив, — она вырывалась, он дёрнул и выдрал заколку вместе с волосами. Преступник выбросил её, а после сам же не смог найти, нелегко найти стекло на траве. Получается, убийца не выстрелил в мирно сидящую женщину, он убил её здесь и приволок на кухню, усадив за стол, придал ей красивую позу, но за-

чем? На обуви убитой нет травы или земли, её каблуки должны были впиться в землю, должны были принести с собой что-то из сада. Он помыл её обувь, — догадался Морис, — помыл и усадил за стол. Но почему он не оставил её здесь? Труп на траве в саду, чем плохое убийство? Почему не в саду? — Детектив расхаживал из стороны в сторону. — Никто не должен был знать, что убийца зашёл через сад. Через сад можно зайти? Инспектор пробежал по периметру. Невысокий каменный забор огораживал участок. Зайти через сад... У него не было ключей от дома, и ему не открыли бы, а подстроил он всё так, чтобы сузить круг подозреваемых до близких знакомых».

Морис ещё долго ходил по участку. При желании можно было легко перемахнуть через забор, поставить лестницу и перелезть. Да что там лестницу, инспектор встал на цыпочки, будь преступник выше Мориса (что вполне естественно, все знакомые были выше Мориса, даже женщины), то с лёгкостью бы мог перелезть через забор. Инспектор осмотрел заколку, пружина выскочила, прядь убитой Саманты развевалась по ветру. Он накрутил её на пластиковое стекло и стал ощупывать карманы своего плаща. Пакеты для вещдоков Бенджамин всегда носил с собой. Всегда, только не сейчас. Ничего, у Ронни должен быть пакет.

Морис забежал в дом. В доме никого не было. Ни тела, ни следователей, ни Ронни. Только пустота. Дорогая, холодная пустота.

— Ронни, ты здесь? — крикнул Морис.

Из сада повеяло холодом, Морис закрыл витражные двери.

«Как долго я пробыл в саду», — подумал он и посмотрел на часы. Стрелки остановились. Он побил по стеклу, оно треснуло.

— Китайская дешёвка, — буркнул детектив. Он стал рыться по кухонным ящикам и, найдя наконец рулон из пакетов, положил заколку в один из них. Завтра он отдаст вещдок на экспертизу.

2 ГЛАВА

Морис жил в небольшой квартирке: прихожая, через шаг холодильник и мойка, можно сказать, кухня в прихожей или наоборот. Окно освещало полкомнаты, кухня и была половиной комнаты, в неё буквально врезалась кровать. За окном находилась пожарная лестница. Мимо Мориса часто ходили по лестнице: непонятные люди в широких штанах, понятные женщины в длинных блузках, или то были короткие платья... Морис давно не смотрел на девиц. Ничего хорошего от них он не ждал.

Всё, что он когда-либо имел, отошло его жене и её любовнику. Тот прохиндей работал юристом, они оказались в сговоре. А Бенджи остался в этой квартире, на третьем этаже четырёхэтажного дома времён Великой депрессии или каких-либо других времён, но застал он немало депрессий. Депрессию несчастного художника, что жил на втором, тот писал картины и разрывал их, писал и разрывал. Морису даже казалось, он писал, чтобы разрывать. Депрессию мадам Аннет, все знали, что она мадам, но никто не видел почему. Скорее всего, она была вдовой, скорее всего, вдова была безутешна, ведь кто бы её ни утешал, больше пары дней не задерживал-

ся. Дом застал депрессию великого фотографа. Сеньор Альваро жил над Морисом и всем говорил, что великий, а его фотографии крали, бесстыдно крали и побеждали с ними на выставках. Никто и не спорил с несчастным фотографом, все соглашались с его величием, всем было не до него. Было ещё много других депрессий, они заселялись и выселялись из дома, парочку вынесли ногами вперёд.

Морис позавтракал холодной пиццей и принял чуть тёплый душ. Когда-то у него была своя ванная, в том доме были две ванные комнаты, сейчас же не было ничего. Морис надел старый костюм, а поверх измятый плащ, нащупал в кармане вчерашний вещдок и вышел на улицу.

Захлопнув дверь престарелого «Форда», в котором через раз закрывались замки, Морис поехал в участок. Такие машины перестали выпускать ещё в 98-м, но Морис не переставал в неё верить, да и зарабатывать больше не начинал.

В участке работа кипела. По отделу бегали сотрудники, трезвонили телефоны без устали, сбрасывая и принимая звонки. Секретарша Глория, что всегда опаздывала с поводом и без, распечатывала уже не первый бланк для капитана. «Позвони ещё раз в правовой отдел!» — кричал ей вслед капитан.

«Значит, не раз уже звонила, — подумал Морис, — что за ерунда», — оглядывался он. Офицеры стояли у кофемашины и громко смеялись, травя анекдоты. Двери соседних кабинетов впускали и выпускали людей.

— Эй, Морис, — крикнул из-за стола Ронни, — чего опоздал?

Детектив понял, что проспал. Утром он вроде бы встал в шесть, но и часы его тоже встали, ещё вчера в шесть вечера, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис посмотрел на большие настенные, было без четверти десять.

— Чего застыл? — рассмеялся Ронни.

Морис посмотрел на Ронни, на всех вокруг, вспомнил про вещдок в кармане и пошёл на второй этаж. Что-то странное творилось с инспектором, как-то не так было вокруг.

За стеклянной дверью человек в белом (эксперт лаборатории, высокий, нервный, худой) уже десять минут объяснял что-то Морису:

— Я тебе ещё раз говорю, — настаивал криминалист, тряся пакетиком с заколкой возле носа Мориса, — что никакого дела, никакой Саманты Стюарт у нас нет!

— А я тебе ещё раз говорю, что вчера после шести привезли её тело, — настаивал детектив.

— Вот куда привезли, туда и иди!

Морис забрал заколку и вышел за дверь. Она громыхнула так, будто дала ему по носу. Его будто выставили, нагло выставили.

«Эти медики вечно сидят на чём-то», — бормотал Морис, спускаясь вниз, как вчера он спускался по мраморной лестнице в доме убитой Саманты Стюарт. Морис расстегнул пиджак и верхнюю пуговицу, вытер со лба испарину и вернулся в отдел.

— Эй, Ронни, — подошёл он к сержанту, — мне нужно приобщить заколку к делу.

Ронни посмотрел на заколку в пакете.

— Ну так приобщи.

— Её не принимают в лаборатории. Им нужно дело Саманты Стюарт.

— Кого?

— Саманты Стюарт. Вчера в саду я нашёл заколку с её волосами, убийца зашёл через сад.

— Какой убийца, Бенджи? В каком саду?

— Ты издеваешься, что ли, Ронни? Ты вчера осматривал тело. Саманта Стюарт, двадцать шесть лет, огнестрел.

— Какой огнестрел, какое тело? Вчера мы весь день просидели здесь.

— А чьи это, по-твоему, волосы? — Морис указал на пакет.

— Откуда мне знать, чьи это волосы. Ты совсем уже тронулся?

Ронни смотрел на Мориса как на сумасшедшего. Морис и сам решил, что сходит с ума.

— Дом, двухэтажный с колоннами у поворота на Филдстон-стрит, — не моргая смотрел он на Ронни.

— Та-ак, — протянул сержант. — Я всё понял...

— Да?

— Конечно! Вчера после работы ты пошёл в бар и в дупель напился, а после подцепил какую-то девку, вот с этой самой заколкой, провёл с ней ночь, проспал, а наутро принял её волосы за вещдок. И сегодня в белой горячке припёрся в отдел.

— Там был сад, Ронни, — чуть не плача, говорил Морис, — в саду были гномы.

— Гномы?

— Да.

— В саду?

— Да!

— Живые?

— Ты что, издеваешься надо мной? — Морис облокотился на стол.

— Что случилось? — спросил офицер, что потягивал кофе у стойки секретарши.

— У Мориса появилась любовница! — крикнул Ронни. — Сегодня ночью он выдрал ей волосы и сейчас пришёл похвастаться этим.

— Поздравляю, лейтенант! — сказал офицер, приподнимая кофе, как бокал. — Сколько можно оплакивать неудавшийся брак.

— Я не оплакивал...

— И правильно.

— Нашёл чем хвастаться, — покосилась на Мориса секретарша.

— Не завидуй, Глория, — подмигнул ей Ронни.

— Да не было никакой любовницы! — завопил Морис.

— Есть вещи, которых не стоит стыдиться, лейтенант, тем более в вашем-то возрасте...

— Мне сорок пять!

— Серьёзно? А с виду дашь все сорок шесть...

— Всё, с меня хватит! — Морис послал всех к чёртовой матери и пошёл за свой стол.

«Может, и правда ничего не было, — думал он, смотря на заколку, — ни дома, ни убийства, ни сада с гномами».

Он взглянул на часы, они были с трещиной. «Может, приснилось, но откуда вещдок?»

Морис видел всё: и себя, и Ронни, и офис, весь, каким он его помнил, и людей всех, что помнили его. Чьи-то пальцы отбивали разрешение на обыск, всаживая в столешницу клавиши с буквами, чьи-то губы повторяли услышанное в трубке, завершали разговор. Этот день был таким же ре-